

Анастасия ЦВЕТАЕВА
О ЛИНЕ МКРТЧЯН
Эссе
Публикуется впервые

Певица Лина Мкртчян

I

Она не похожа на других певиц... я сказала бы, что она являет собой некое чудо, потому что Лина Мкртчян – это не одна певица, а множество певиц, которые то соединяются, как в хороводе, то разбегаются, как в детской игре в «горелки», соприкасаясь с бесконечностью звука. Лицо ее настолько изменчиво, что одна фотография не может создать ее облика, а ряд фотографий могут создать его в единстве.

Когда она в антракте шла по узкому проходу, то казалось, она не касается пола... это было странное воплощение полета! При том, что в женской фигуре ее – вовсе не тонкость веточки.

Ее пиано – легчайшими ступенями невидимой воздушной лестницы переходят к первому из *pianissimo*, в свою очередь потухая, доходят до озера Тишины, тонут в нем, погружаются в отдых отзвука. Тишина. И в то время как аккомпанемент продолжает настаивать на звучании, из глубины немоты зарождается подобие звука и, воплощаясь в него, вдруг оживает в мелодию и н о з в у ч а щ е г о романса. Вы узнаете его по узору мелодии, но удивитесь не сходству его с тем, что вы когда-то слышали, а разнице его воплощения, даримого слуху только одной Линой Мкртчян, обновляя романс непонятными и необъяснимыми средствами, – может быть, теми, какими в душе композитора они зарождались без надежды быть названными.

И плавно, и властно растет звук, доходит до мощи звучания. И трудно поверить, что Мощь эта родилась из озера Немоты, Тишины?

Странное ощущение, что в самой фактуре голоса – независимо от певицы – звучит органика? Целый оркестр. Другое: голос лучится светом, исходит лучами звука, превосходит самого себя (пишу под ее пение, стремясь верно назвать происходящее). Нет ни тени заученности – естественной от повторимости того, что поёт. Впечатление импровизации, эмоция рвется из голоса, как впервые, как в первый день творения.

Антракт.

А чудо продолжается: плавность шага, словно у тела нет веса (и это не за счет худобы, тело плотное) – за счет легкости самого шага. Мягкий свет залы мемориального дома Ермоловой М. Н. аккомпанирует волшебству голосовых средств. А может быть, обратно? Голос создает окружение, притушивает свет люстр, ибо поется тихая песнь, народная. Это сама мощь тишины. А вот сей-

час зов бросается в пространство, вся народная печаль всех веков нашла выражение, это вся земля вопиет ко всему небу. Безотрадность печали борется с тенью надежды, но вот во внезапном всплеске зазвеневшего голоса надежды одолевает печаль. Зов о помощи неба в земную печаль растет, и уже воплощены надежды в рокоющий звон радости.

Только что была в голосе тихость отчаяния, как плавно она рассеялась и властно звучит рожденная песнь. Слушаю и пишу. Лина Мкртчян богата столкими же голосовыми средствами, сколько талантом выражать разнороднейшие эмоции сердца, а в разнообразии народных песен это сверкает особым – затишенным блеском. И пока я пишу, медленно подбирая слова, песнь требует от Лины всей печали и всего торжества проводов души – в мир иной. Прощание с жизнью всего в ней живого, восхождения вслед за душой, возлетающей от всех, кто еще пока остается... Или мне это чудится? Ведь по моей полуглухоте я не разбираю слов песни, я только музыку голоса слышу и впиваю ее.

Сижу, слушаю, думаю, ищу слов, сопоставляю, а народные песни кончились и звучит любимейшее из любимых:

*Выхожу один я на дорогу;
Сквозь туман кремнистый путь блестит;
Ночь тиха. Пустыня внемлет богу,
И звезда с звездою говорит.*

Но я на миг отвлекаюсь по силе – и это, конечно, грех, потому что вспомнила, как я эти строки 55 лет назад, до ареста, перевела на английский:

*Lonely I go out the glistening;
Flintly road that lies is mist afar;
Night is still. To God the waste is listening,
And the star is speaking to the star.
Последнюю строку удалось слово в слово:
И звезда с звездою говорит –
And the star is speaking to the star.*

Этот грех, что я отвлеклась от Лины – в себя – мне, может быть, простит Лина?

Но о композиторе на эти строки – мне всегда казалось, что он не передал – своею мелодией – тихой торжественности величия строк. Я бы мелодику дала совершенно иную – строже, как нечто единое. Может быть, я не права?

Рукописная страница эссе

II

Вечер пения Лины Мкртчян в Армянском полпредстве. Ждем. И когда она появляется в блекло-золотистом длинном платье – в зале тухнет люстра, а свет – темнее впереди, за колоннами. Слева – рояль, аккомпаниатор. Справа становится Лина. Но и ее силуэт – тёмн. Знает ли она это, по ее ли воле? Она начинает петь.

Шуман. Его звуки голосом переносят нас (по крайней мере – меня) в старую Германию. Сжала руки, подвинулась, светом вспыхнуло на мгновение ее лицо. Волосы, русые, по плечам. Она совсем другая, чем была на последнем концерте в доме Ермоловой. Там она мне показалась полнее, мощнее. Сегодня – выше, стройней. Протянула, для звука, руки – и ее тень (от нас – слева, для нее – справа) повторяет ее жест.

Где она нашла такого аккомпаниатора? Гармонично сливаются голос и аккомпанемент. Но Лина и из него вырывается мощностью голоса в царство воздуха – но низок зал для ее возможностей, потолок не дает им ходу. (Ей бы петь в Музее изящных искусств, в Итальянском дворике, вот где акустика для нее!). Кончила. Мгновения тишины и звук рукоплесканий.

Слушаю. Ее голос – крылат. И перья ее крыльев вспыхивают светом в затененном зале. Нет, это уже не свет, это взрывы множества голосов. Шуман? Шуберт? (в программе), не знаю. Она поет всё – по-своему.

Аккомпаниатор – на высоте. Он понимает, с кем имеет дело, он делает почти невозможное, следуя ей.

Антракт.

Зал освещен. Лине преподносят цветы.

Лина поет. Ее голос рвется ввысь, как птица, из клетки вылетевшая. Но нет Лине окна – как той птице, и перья голоса бьются от стен к потолку и выше! Но вот сейчас она – страдает? Не может она не страдать...

Вопрошаю себя: голос у Лины – контральто? Да, должно быть... Но разве в одно слово – его – поместишь? Он рвется и из названий, в нем и меццо, а когда она бросает вверх смиренно-светлые, легкие, как луч солнца, звуки, это, может быть, и сопрано? Я уже писала: оркестр звуков (а за ним снизу слева, упрямо пытаюсь нести послушание, идут звуки аккомпанемента...).

Вы, кто это прочтете, слышат Лину Мкртчян? Если не слышали – послушайте! Это же почти – чудо! Я же скуп, держась точности, стараюсь о ней рассказать...

Piano, Moderato, а за ними – Forte зажигают над нами свет, хоть люстры потушены.

Аккомпаниатор на высоте.

А из мглы затишья рвется вновь не голос, а еле живое *Piannissimo*.

Григ. Мой любимый! (Он, как мне сказал Горький, похоронен – один – на острове.) Туда, к этой могиле несется песня Лины... Разбудить его, услышать его похвалу... Forte, Fortissimo... Не разбудила! Спит Григ? Одна смерть не дает себя зачаровать... Жизнью...

«Девушка с гор». В высоте зала голос Лины борется с потолком.

Да, Лине высоту залы Папиного Музея, там ее – зазвонит концерт! До Музея ей потерпеть надо!.. Песнь Сольвейг... и эту песнь Лина подает нам по-своему.

Аккомпаниатор на высоте!

Рукоплескания не умолкают. Но надо же и честь знать! Бис? Стоят рука в руку аккомпаниатор, Певица. Кланяются. И люстра – зажглась.

Бис, bravo! Второй поклон, но когда уж – третий – было так? Не было? Я бы хотела, чтобы было – в зале потух свет...